

направления, выдвигавшего на первый план государственно-охранительные, а не религиозные или культурные задачи. Другое направление, которое можно назвать идеалистичным (представленное славянофилами), придерживалось, к примеру, иного взгляда на государственно-церковные взаимоотношения.

В публицистике славянофилов (А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова) особенно подчеркивалось противостоительность синодального церковного строя. Так, например, И.О. Аксаков писал об этом: «...убыла душа; подменен идеал, т.е. на месте идеала церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдой формальной, внешней». И еще: «Церковь со стороны своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярской ложью порядки немецкого канцеляризма к спасению стада Христова».⁶²⁴

Часть консерваторов (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, В.П. Мешерский) не соглашалась с этим и осуждала представителей славянофилов за чрезмерное внимание к религиозной составляющей формулы «Православие-Самодержавие-Народность», подозревая, что здесь могут маскироваться индивидуалистические, антигосударственные наклонности.

Кроме того, существовало еще и третье, ультрареакционное направление в русском консерватизме. Его представители (например, К.Н. Леонтьев и В.П. Мешерский) для сохранения (а чаще всего – реставрации) традиционных ценностей призывали власть осуществлять самые радикальные планы, применять любые репрессивные меры. Такой радикализм при попытке его практического воплощения мог повлечь за собой разрушение существующего общественно-политического порядка и поэтому не был приемлем для умеренно-прагматичной части консерваторов.

Представители охранительно-государственного направления консерватизма, не доводя до конца (как ультрареакционеры) консервативный принцип, не желали в то же время воплощать (как славянофилы) либеральный принцип свободы совести. Такая двойственность в идеологической сфере не могла привести к цельной позиции в практической сфере. Таким образом, становится видно, что в Российской империи пореформенного периода именно консервативная идеология, а не сам по себе факт существования конфессионального государства, приводил в практической области к отрицанию принципа свободы совести.

А.В. Ладыгин
Екатеринбург

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ В 60-е – 90-е гг. XIX в.

Рассматривая проблему «наши» – «чужие» в российском массовом сознании, нельзя не отметить такую ее грань как неприятие на национальной почве. Длительное время для образованных слоев российского общества национальным врагом представлялись поляки, однако, начиная с конца 60-х гг. XIX в. их место устойчиво заняли немцы. Одним из первых о германской угрозе стал говорить Н.Я. Данилевский, заметивший в своей работе «Россия и Европа», что объединение Германии в единое целое привело к разрушению европейской системы равновесия и одним этим дело не кончится⁶²⁵.

Однако настоящий шок русское общество испытало во время Франко-Прусской войны, когда германские войска одерживали одну победу за другой. «Немцы мысли», говорит демократический публицист Н.В. Щелгунов, мгновенно превратились в «немцев дела». «Германия политическая» взяла верх над «Германией философской». Вместо благодушного и неповоротливого немецкого Михеля встал образ до зубов вооруженного солдата, угрожающего миру и спокойствию всех. Так в экстремальных исторических ситуациях из коллективного исторического опыта возникает образ врага. В массовом

⁶²⁴ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 375.

⁶²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2003. С. 15.

сознании ответственность за действия государства и за преступления военщины возлагается на «чужую» нацию⁶²⁶.

«Теперь немцы являются завоевателями, – писал в 1870 г. И.С. Тургенев, – а к завоевателям у меня сердце не лежит»⁶²⁷.

Славянофилы и западники в России спорили о многом, но относительно Германии Герцен, убежденный западник, в немалой степени разделял чувства славянофилов. Русские писатели всегда помнили, что начальником Третьего отделения (политическая полиция и цензура) был человек по фамилии Бенкендорф, а его преемником – Дубельт, так что в общественном мнении высокий немецкий сановник был символом ограничений, всего реакционного в России. Историк того времени Мишле писал: «В России не существует народа; есть только канцелярия и кнут. Канцелярия – это немец, кнут – это казак»⁶²⁸.

На первый взгляд враждебное отношение к Германии в Российской публицистике может показаться странным, поскольку Германская империя была столь же чужда западноевропейской цивилизации, как и Россия. В обеих странах не было либерально-гуманитарных традиций, унаследованных Западом от эпох Возрождения и Просвещения⁶²⁹. Немаловажным штрихом служила и общая страсть Романовых и Гогенцоллернов к муштре и парадам, а также кровное родство правящих династий.

Еще более удивительным подобное отношение выглядит, если учесть, что вплоть до 1881 г. Российскую империю возглавлял Александр II, известный своими германофильскими взглядами. В то же время, именно в правление Александра Николаевича сложился своеобразный парадокс. До середины 60-х гг. XIX в. присутствие большого числа немцев в России рассматривалось в качестве национального бедствия, а некоторые русские цари как, скажем, Николай I, совершенно справедливо полагали, что немцы являются более подходящим оружием для проведения угнетательской и непопулярной политики, чем русские, ценившие свою независимость значительно выше. В то же время, именно при Александре II доля немцев среди высшего чиновничества стала неуклонно падать. Но именно тогда, в 60 – е гг. XIX в., Германия стремительно превратилась в субъект европейской политики и потенциального врага России. Министр иностранных дел Горчаков проводил в основном прогерманскую политику, а Бисмарк стремился к союзу с Россией, но общественное мнение в России, которое было в основном настроено резко антигермански, оказывало через печать серьезное давление на правительство.

А.Ф. Тютчева, фрейлина императрицы, записала 27 ноября 1870 г. в своем дневнике, что «у государя очень веские основания быть недовольным печатью, что она то и дело создает ему осложнения с Европой во внешней политике, а внутри страны возбуждает национальные страсти»⁶³⁰.

Причины беспокоиться у царизма действительно были. Так, например, Н.Я. Данилевский писал, что в России «только та часть журналистики и разделяющей ее мнение публики чувствует Пруссию, которая всегда была лишена всякого понимания национальных интересов»⁶³¹. Поэт Ф.И. Тютчев выступал против объединения Германии, которое по его словам может стать «страшным камнем преткновения на открывшемся перед нами пути»⁶³². Исходя из своей философской предпосылки о том, что «для целых народов существует злополучная и неумолимая судьба, преисполненная стремлений, которые сильнее всякой воли и всякого благоразумия», он усматривал «судьбу германской

⁶²⁶ Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. Вып. 1. – М., 1998. С. 191.

⁶²⁷ Тургенев И.С. Полное собрание писем. – М.-Л., 1964. Т. VIII: Письма. С. 278.

⁶²⁸ Лакер У. Россия и Германия наставники Гитлера. – Вашингтон, 1991. С. 71.

⁶²⁹ Уткин А.И. Первая мировая война. – М., 2002. С.12.

⁶³⁰ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники – М., 2004. С. 510.

⁶³¹ Данилевский Н.Я. Россия и Франко-прусская война. – М., 2003. С.515.

⁶³² Литературное наследство. Т. 31. С. 756.

нации в стремлении к разрушению»⁶³³. Даже М.Н. Катков писал в передовице «Московских ведомостей» о том, что окончательное объединение Германии принесет в будущем России неисчислимые беды во внешней политике⁶³⁴.

Панславистские идеи Каткова и Данилевского пользовались большой популярностью в образованной среде. Так, в начале 70-х гг. XIX в., к ним примкнул Ф.М. Достоевский, мечтавший о «первенстве Великоорусского племени над всем Славянским миром»⁶³⁵. По отношению к Германской культуре и философии Достоевский отзывался в весьма резких выражениях, к примеру, величая кумира русской интеллигенции первой половины XIX в. Гегеля не иначе как «немецким клопом»⁶³⁶.

Данилевский уже с начала 70-х гг. XIX в. прямо говорил о неизбежности войны Германии против России и считал, что эта война необходима, так как «борьба с Немцами более чем что-либо на свете, послужит...к усилению наших истинных народных интересов»⁶³⁷.

С идеями Данилевского, предопределившими развитие панславистского националистического движения, остро полемизировал крупный религиозный философ В.С. Соловьев. Он прямо заявлял на страницах своей «Литературной критики» о том, что «Не внешние враги и соперники, не поляки и немцы на наших окраинах составляют важную помеху для правильного хода русской жизни; настоящая наша беда – в той охранительной системе, которая всячески старается внутри самой России угасить ее дух, заглушить ее слово»⁶³⁸.

Вещая о германской угрозе панслависты, очевидно, не замечали, что сами выступают с не менее агрессивными внешнеполитическими инициативами на Балканах, чем Германия в Западной и Восточной Европе. Так, например, Н.П. Огарев, один из ведущих деятелей Московского славянского комитета, писал в 1867 г.: «...рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет) придет на помощь освобождению славян. Это стремление – историческое тяготение, от которого также невозможно уйти, как от земного тяготения»⁶³⁹. Ему вторил славянофил К.С. Аксаков, писавший о будущем славянских народов: «Славянские народы должны быть освобождены и составить по народностям своим отдельные княжества, должны находиться под покровительством России, как теперь Сербия»⁶⁴⁰.

Идеи панславистов подверг беспощадной критике В.С. Соловьев, заявляя, что их враждебность к Германии и западной цивилизации вообще не приближает, а, напротив, отдаляет поставленную цель – объединение всего славянского мира, так как по своим духовным началам поляки, чехи, хорваты и моравы тяготеют к Европе. Он писал: «Если...возбуждение национального чувства сопровождается беспредельным самомнением и самодовольством, тупым презрением и слепой враждой к чужому; если историческая рознь ставится как идеал и фактически разделение возводится в принцип; если каждый народ смотрит на другие или как на вечных врагов и соперников, или же, как на ручьи, которые должны слиться в его море...то, без всякого сомнения, оно есть возвращение к ветхозаветному партикуляризму»⁶⁴¹.

Беда идеологов консервативного толка в 60-е – 70-е гг. XIX в. заключалась в том, что они идейно предвосхитили разрыв с Германией, выступая за ориентацию во внешней политике на союз с Францией, в то время как правящая элита во главе с царем все еще

⁶³³ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. – М., 1968. С. 192.

⁶³⁴ Оболенская С.В. франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. – М., 1977.

⁶³⁵ Достоевский Ф.М. Письма. Т. II. – М.-Л., 1930. С. 81.

⁶³⁶ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М., 1995. С. 77.

⁶³⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 502.

⁶³⁸ Соловьев В.С. Литературная критика. – М., 1990. С. 313.

⁶³⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. – М., 1960. С.

⁶⁴⁰ Там же. С. 29.

⁶⁴¹ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 295-296.

продолжала лавировать на международной арене, не решаясь примкнуть к Австро-Германскому блоку, или встать на сторону Франции.

Не удивительно, что в этот период правительство предпринимало все необходимые меры для того, чтобы усмирить печать⁶⁴².

В то же время, необходимо отметить, что, если в сознании Российской интеллигенции в пореформенный период произошел кардинальный поворот от восхищения немецкой философией и культурой к представлению о Германии как о враге, то для основной части населения страны, представленной почти повсеместно «темным» крестьянством, идеологические клише наподобие борьбы культурно-исторических типов, Славянства и Германизма были чужды и непонятны. Как отмечает С.В.Оболенская «Изучение отношения к немцам и к Германии в русской народной культуре XIX в. показывает со всей определенностью, что в среде русского простонародья в это время царило добродушно-ироническое отношение к немцам и настоящей враждебности к этим «чужим», но не «врагам» не было»⁶⁴³.

С воцарением на Российском престоле Александра III идеи панславистов были взяты на вооружение правящей элитой, стремившейся к формированию образа врага и нагнетанию великодержавного шовинизма. В то же время, внутри самой правящей элиты выделялись разнообразные группировки. Душой национал-патриотов выступал генерал М.Д. Скобелев, герой русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Внешнеполитическая позиция данной группировки и самого Скобелева была еще более радикальной и шовинистической, чем у Каткова, Победоносцева и даже Александра III. И это притом, что Александр Александрович был ярким германофобом, а германского императора Вильгельма II на дух не переносил (однажды, во время визита кайзера в Россию, Александр III сказал брату, великому князю Владимиру Александровичу: «Занимай Вильгельма после обеда ты, я его могу переносить только до обеда»)⁶⁴⁴.

Как отмечала в своем дневнике фрейлина А.Ф. Тютчева, дочь Ф.И. Тютчева и жена известного славянофила И.С. Аксакова, М.Д. Скобелев высказался в частной беседе с политике правительства Александра III, что оно приносит национальные интересы империи в славянских землях в жертву Пруссии и Австрии. Во многом подобная реакция белого генерала была вызвана ситуацией на Балканах, когда кривошии, балканское племя на территории Далмации, подняло мятеж против Австрийской империи вследствие попытки австрийского правительства ввести у них всеобщую воинскую повинность. Скобелев откровенно заявил И.С. Аксакову, что на банкете 12 января он собирается произнести речь, в которой призовет к подписке в пользу кривошиев. «Мой муж, - писала Анна Федоровна, - советовал ему не предпринимать этого последнего шага, говоря, что с его стороны это будет равносильно призыву к войне; что правительство принуждено будет отречься от него, чтобы не встать по отношению к Германии в положение открытой враждебности»⁶⁴⁵. Как известно, генерал не внял предостережениям своего друга и речь Скобелева наделала немало шума в Петербургском обществе.

Однако события 12 января послужили лишь слабой прелюдией к Парижской речи Скобелева, прогремевшей на весь мир 17 февраля 1882 г. Боевой генерал, пользовавшийся большой популярностью среди солдат, приехал в Париж «для изучения военного дела во Франции» и здесь разразился воинственной антигерманской речью. С солдатской прямолинейностью и даже грубостью Скобелев воскликнул: «Мы не хозяева в собственном доме. Да! Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывается во всем. Мы игрушки его политики, жертвы его интриг, рабы его силы. И если вы пожелаете узнать от

⁶⁴² Феоктистов Е.М. Воспоминания. – Л., 1929. С. 108-109.

⁶⁴³ С.В. Оболенская. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. Вып. 1. – М., 1998. С. 203.

⁶⁴⁴ Тарле Е.В. Русско-германские отношения и отставка Бисмарка // Сб. статей по русской истории, посвященных Платонову С.Ф. – Пг., 1922. С. 421.

⁶⁴⁵ Тютчева А.Ф. Указ. Соч. С. 562.

меня, кто этот чужеземец, этот пролаз, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его. Это виновник *Drang nach Osten*, вы все его знаете – это немец! Борьба между славянами и тевтонами неизбежна, она даже близка»⁶⁴⁶.

Речь Скобелева сразу же была напечатана во французских и немецких газетах и произвела эффект разорвавшейся бомбы. В Европе ее расценили как верный признак внешнеполитической переориентации царизма. Подспудная подготовка, конечно, шла, но до решающих перемен – разрыва с Германией и союза с Францией было еще далеко, и самовольный поступок генерала вызвал раздражение царя Александра III. Скобелева срочно вызвали в Петербург для объяснений. Он уверял, что никакого призыва к войне против немцев в его словах не содержалось, да и «речи» никакой не было, а так, всего лишь приватная беседа с молодыми людьми. Однако почитатели Скобелева утверждали, что он уже тогда разрабатывал план войны с «честными маклерами» и «добрыми нашими союзниками», как иронически писал о Германии В.И. Немирович-Данченко⁶⁴⁷. Так или иначе, Скобелев приобрел репутацию смелого и благородного борца с немецким засильем и пламенного патриота, и адепты панславизма еще очень долго повторяли пассажи из его парижской речи.

Под влиянием антигерманской политики правительства Александра III в ходе идейной борьбы по германскому вопросу в русском обществе к концу XIX в. формировались и усиливались антигерманские настроения. В нем были, конечно, и сторонники идей В.С. Соловьева, учившие защищать достоинство не только своего, но и чужого народа, проводить грань между благородной национальной идеей как идеей свободы и независимости наций и пагубным национализмом, переходящим вшовинизм. А различать национальность и национализм следует по их плодам. В частности, замечал Соловьев, «плоды великой германской нации есть Лессинг и Гете, Кант и Шеллинг, а плод германского национализма – насильственное онемечивание соседей»⁶⁴⁸.

В русском образованном обществе примеров такого различия было немало. В годы разгула германофобии многие либеральные и демократические публицисты учили русского читателя отличать трудолюбивый и талантливый немецкий народ, высокие достижения его духа от германских правителей, развязывающих войны, от филистеров, рукопласкающих их победам⁶⁴⁹.

Подводя итог разговору об образе «чужого» в русском обществе в пореформенный период важно заметить, что, несмотря на все усилия правительства основная часть населения, проживавшая в тот момент в деревнях и в своей основе неграмотная – не была затронута националистической пропагандой и сохраняла традиционно доброжелательное отношение к окружающим народам.

Е.Ю. Лебеденко
Екатеринбург

МЕЩАНЕ Г.КРАСНОУФИМСКА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Проблемы социальной истории русского города дореформенного периода в настоящее время востребованы, особенно актуальным в научном отношении является изучение социально-экономических процессов. Есть необходимость обратить внимание на вопросы социальной структуры и социальной мобильности и др. микросоциальные процессы, происходившие в уездных городах. Рассмотрим их на примере одного из городов Южного Урала – Красноуфимска. В специальной литературе, посвященной

⁶⁴⁶ Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. С. 199.

⁶⁴⁷ Немирович-Данченко В.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления. – СПб., 1884. С. 329.

⁶⁴⁸ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. – М., 1989. С. 269.

⁶⁴⁹ Оболенская С.В. Образование Германской империи и русское общество // *Метаморфозы Европы*. – М., 1993.